

Вениамин ЯШИН

г. Петрозаводск

Обращение к исторической памяти

Роман Андрея Константинова и Бориса Подопригоры «Если кто меня слышит. Легенда крепости Бадабер» приоткрывает завесу неизвестности над одним из полумифических событий афганской войны – восстанием советских и афганских военнопленных, содержащихся в крепости Бадабер на территории Пакистана.

Андрей Константинов – мэтр популярной литературы, автор нескольких десятков книг, по которым снято почти двадцать фильмов и телесериалов, самый известный из которых, пожалуй, «Бандитский Петербург» – когда он шел, страна с замиранием сердца следила за похождениями героев Певцова и Домогорова.

Его соавтором, и не впервые, выступил Борис Подопригора – литератор, поэт, офицер. Они совместно работали над фильмом «Честь имею», посвященным войне в Чечне, а сейчас обратились к чуть более давней истории. Для журнала «Север» факт сотрудничества интересен и тем, что в настоящее время Борис Подопригора является жителем северного края, работая советником главы Республики Карелия.

Итак, конец афганской войны, крепость Бада-

бер, где содержатся «шурави» – десяток советских военнопленных, и «бабраковцы» – их коллеги, служившие в армии Демократической Республики Афганистан. Перед капитаном Борисом Глинским поставлена задача убедиться в том, что наши пленники находятся в Пакистане, и дать об этом знать, дважды выйдя в эфир, читая одну из сур Корана или же другим способом.

Читая роман, ловишь себя на том, что в памяти всплывают множество параллелей и ассоциаций с другими книгами, фильмами, историческими событиями. В этом нет ничего странного, сама героическая военная тема раскрывалась множество раз и в разных своих аспектах. Может быть, эти параллели даже помогают следить за перипетиями жизни Глинского и его товарищей.

Константинов и Подопригора создали историю отнюдь не в духе известного фильма «Спасти рядового Райана». В случае с Афганистаном, похоже, судьбы пленных мало кого интересовали. И Глинский, попадая в крепость, выполняет важную политическую задачу, давая определенные преимущества нашим дипломатам, а не пытается спасти ребят. Получится – хорошо. Не получится

– так вышло. Скорее, в чем-то роман похож на «Сталинград» Федора Бондарчука, в финале мы видим ту же историю – несколько героев, обреченных на неудачу, против полчищ врагов.

К очевидным недостаткам книги я бы отнес обилие обсценной и бранной лексики. Что это – прием, позволяющий придать брутальности персонажам, или попытка говорить на одном языке с читателем? Я бы согласился с первым предположением, но авторы сильно увлекаются и начинают использовать те же выражения в своей авторской речи. Вот пара примеров. «Как говорится, слава-те-яйца, что не всю лапу оттяпало. А делать-то нечего, все равно идти дальше надо. Сержанту вкатили укол промедола, перевязали, разгрузили, и он поковылял дальше со всеми вместе. Настоящим мужиком оказался, не ныл, не скулил, только зубы крепко стискивал и потел сильно». Или: «Травились, кстати говоря, в Афганистане часто, а чаще всего дынями. Приторно-сладкие, они начинали бродить на жаре, и заработать понос через такую радость было делом абсолютно будничным. Довелось это испытать на своей шкуре (точнее – заднице) и Глинскому – причем в самый, что называется, неподходящий момент – недели через две после первого выхода капитан Ермаков решил сам «прогуляться» в рейд на «отвлечение». Борис отравился еще накануне, но скрыл это от командира из-за боязни прослыть трусом. Этот благородный порыв дорого обошелся Глинскому, фактически весь рейд «просидевшему на струе». Ему было очень плохо, но он шел наравне со всеми и думал уже, что до Кабула живым не доберется. Добрался. А уже в расположении роты в командирской палатке капитан Ермаков устроил ему форменный «пропиздон»...» Таких пассажей в книге множество. Стыдливые кавычки не спасают положение.

Есть, однако, фрагменты, где разговорный язык усиливает воздействие текста. Таковы страницы, на которых приведен бесхитростный рассказ солдата, единственного оставшегося в живых во время боя на заставе: «Это, видишь, мы потом уже русло ручья перекопали, сюда ближе подвели... Вот «духи» от него и начали херачить... И нам главное было – их к бочке с питьевой водой не подпустить... Но бочку не удержали... Этих «пастухов» было сначала около десяти, потом еще подошли. А к вечеру еще «духов» пятнадцать. Тогда Фарид погиб. Это когда «духи» гранатомет вытащили. Из-под дохлого верблюда. Но младший сержант гранатометчика срезал и после никого не подпускал к гранатомету. Но вечером ему в голову из ДШК... И тогда они еще раз пальнули. Никого не

задели, но Сурку – Сулиму Таймасханову – в глаз попало. Камнем. Но Сурок все равно – мужик...» Не приведу этот текст целиком, он достаточно длинный. Солдат с какой-то безэмоциональной методичностью рассказывает, как один за другим гибнут его товарищи. Авторы практически не вмешиваются в его речь ремарками, и оттого монотонный рассказ воспринимается еще страшнее, будто квинтэссенция ужаса войны. Пожалуй, это одни из лучших страниц в романе.

Говоря о языке романа, отмечу еще один момент. Возможно, мы имеем дело как раз с тем примером, когда авторы реальные и некий «автор», от имени которого ведется повествование, не тождественны друг другу. В данном случае люди, рассказывающие читателю историю, это тоже – литературные образы. Да, во многом сходные с реальными Константиновым и Подопрigorой – боевыми офицерами, имеющими за плечами огромный практический военный опыт.

Правда, почему-то на память приходит лучшая советская военная проза – как-то умели писатели, причем – фронтовики, создавать правдивую, героическую и психологическую, даже приключенческую прозу, отличавшуюся хорошим литературным языком. Хотя, подозреваю, фактически на фронте использовался не только лексикон выпускниц Смольного института. В этом отношении роман симптоматичен – он лишней раз показывает, как изменились наши ценности, в том числе и язык. Однако же и речь в книге идет как раз о том времени, когда стали рушиться основы существования государства и власть стала не просто забывать про человека – этого хватало во все времена, а цинично демонстрировать эту забывчивость. Так был брошен на произвол судьбы и забыт герой романа Глинский, находившийся в плену, более того, специально заброшенный в тыл врага агент. До сих пор неизвестны подробности восстания пленных в крепости Бадабер. Кому-то совсем не хочется, чтобы правда вышла наружу. Константинов и Подопрigorа представляют свой вариант – вымысел, опирающийся на опыт авторов и многих людей, прошедших афганскую войну.

Роман распадается на две части, отличающиеся стилем, подачей материала. Первая половина книги посвящена главному герою, в частности, его учебе в ВИИЯ – Военном институте иностранных языков. Мы узнаем множество подробностей об этом учебном заведении, не влияющих на сюжет и, казалось бы, лишних для романа. Вероятно, выпускник ВИИЯ Борис Подопрigorа не удержался от того, чтобы вложить в книгу свои воспо-

минания об одноклассниках и преподавателях, о буднях и праздниках своей alma mater. Говорю «казалось бы», поскольку не возникает досады при чтении этих лишних эпизодов. Подробности учебного процесса и жизни курсантов «самого серьезного из гуманитарных и самого интеллигентного из военных» вуза воспринимаются не как часть романа, а как некая повесть нон-фикшн, и интересны как пример мемуарной литературы. Любопытно, например, было узнать, что в ВИИЯ учились Аркадий Стругацкий, Андрей Эшпай, Владимир Этуш, Всеволод Овчинников... А описания зубрежки, которой приходилось заниматься курсантам, изучающим восточные языки! Кстати, в институте «западные языки считались легкими, недоступными лишь дебилам».

Описание войны, военных действий в книге также разнится. На тех страницах, где речь идет о начале службы Глинского в Афганистане, война предстает каким-то весьма бестолковым мероприятием, в котором и люди-то гибнут нелепо, по ошибке, по какой-то случайности. А в целом – народ непонятно чем занимается: то пьет водку, приобретенную у заслуженного артиста, подрабатывающего на алкоголе во время гастролей в Кабуле, то отрывается с девчонками-«интернационалистами»... Время от времени Глинский и его сослуживцы выходят в развед рейды. И тут уж как повезет – может, все пройдет тихо, может, кто-то подорвется на mine, поставленной своими же, а может, и подвиг совершат – захватят первый «Стингер», поставляемый афганским моджахедам западными негласными союзниками...

Сам Глинский в первой части романа вызывает мало симпатий. Генеральский сынок (хотя всячески подчеркивается, что связями папы он не пользуется), который женится без любви на дочери другого генерала, любит артистку цыганского театра, а попутно как-то случайно спит с домработницей... Склонен к позерству – один выход с галерки с гитарой, чтобы аккомпанировать своей цыганке, приехавшей с выступлением в Кабул, чего стоит!

И вот этот персонаж резко меняется. Во второй части, где герой оказывается в крепости Бадабер, мы видим умного, волевого, целеустремленного человека, готового отдать жизнь и отдающего ее. Во имя чего? И как мог безвольный позер переродиться? Возможно, в ответах на эти вопросы – ключ к восприятию романа. Глинский сам идет на смерть не ради пленных солдат – они гибнут вместе с ним. Может быть, ради Родины, забывшей его? Но не забыл ее он. Как не забыл свой солдатский, офицерский, человеческий

долг. «Книга о человеческом достоинстве и национальной чести» – так говорится в аннотации издателей. В сохранении человеческого достоинства видится выход из любых трудностей, опора в тяжелые времена, стержень, позволяющий выжить в нечеловеческих условиях.

Это обращение к лучшим человеческим качествам героя параллельно подкрепляется обращением к исторической памяти нации. Прямо ряд сцен, имеющих прообразы в нашей истории, не имеет отсылки к давним событиям. Но любой читатель, для которого исторические примеры не остались пустым звуком, вспомнит их. Футбольный матч с охранниками, позволяющий Глинскому сплотить одурманенных, потерявших надежду «шурави» в единую команду, нет, боевой отряд, вызывает в памяти знаменитый «Матч смерти», прошедший в 1942 году в оккупированном Киеве, когда наши футболисты разгромили команду фашистов. А сцена борцовского поединка Глинского с «пахлаваном» Парваном обращается к еще более давнему прошлому. Думается, ее прообразом послужил поединок Пересвета с Челубеком. Оба богатыря погибли, как погибли и составившие в Бадабере, унеся с собой не только жизни противников, но и уничтожив огромный склад боеприпасов вражеских войск.

Может быть, когда-нибудь мы узнаем, что на самом деле произошло в Бадабере. И как вошли в историческую память давние события, превратившиеся в мифы, так войдет в память нации и легенда крепости Бадабер, легенда, способная, по словам авторов, «на поколения вперед конденсировать память и электризовать совесть. Даже если мы поименно не узнаем, кому за это обязаны».

Константинов А., Подопригора Б.
Если кто меня слышит.
Легенда крепости Бадабер.
М.: АСТ; Санкт-Петербург:
Астрель-СПб, 2013. – 509 с.